

Дунсяньпай: в каждом поколении лишь один ученик. Основатель школы настаивал: у последователя должны быть безупречные природные данные, иначе пусть лучше секта прекратит своё существование, чем передаст кому-то недостойному свое искусство владения мечом. К тому же, наставник мог обучать только одного человека, чтобы максимально эффективно прославить школу.

Один человек прославляет школу, а дальше что? Снова искать следующего несчастного ученика, делать его козлом отпущения, заставлять учить эту нелепую технику и продолжать её прославлять. К тому же, обучившись, ты не можешь открыть свою школу и стричь деньги с учеников — какой вообще толк от этой ерунды?

Е Юй не мог постичь логику основателя Дунсяньпай. Он сидел на корточках у ручья, глядя в одну точку, а на губах у него запеклась кровь.

Раз уж цель — прославиться, ученик обязан быть выдающимся, безупречным, исключительным. Как только обучение завершено, он должен спуститься с гор и совершить деяние, которое повергнет в шок весь мир боевых искусств. В этом поколении задание было простым: прикончить Чао Миня, главного злодея из враждебной секты. Эта мысль с самого начала была вбита ему в голову.

Если провалишь задание — умри. Разве может совершенство Дунсяньпай терпеть позор от такого ничтожества, как ты? Не смог выполнить задачу — искупи вину смертью.

Если не пойдешь выполнять задание — снова умри. Как прославиться на весь мир, не совершив ничего грандиозного? Как люди узнают о существовании такой совершенной школы, как Дунсяньпай, если о ней никто не слышал? Ты — единственный ученик, и если не можешь распространить славу школы, какой от тебя прок?

Ты спросишь: в секте всего один человек, если он не пойдет выполнять задание, кто его заставит умереть? Слышал о клятвенной печати? Говорят, это уникальная техника Дунсяньпай: сначала даешь клятву, потом на тебя накладывают печать, и если через год задание не выполнено — добро пожаловать в могилу.

Где же похоронен тот самый основатель, установивший такие правила? Е Юй, будучи единственным старшим и единственным младшим учеником школы, очень хотел бы раскопать его могилу и поговорить по душам. Ведь именно этот старый извращенец придумал клятвенную печать.

А еще тот наставник, который собственноручно впечатал эту метку в тело Е Юя, прежде чем с улыбкой испустить дух, — насколько же сильно ты ненавидел своего ученика?

Самое ужасное, что эта печать неизлечима. Каждые двадцать четыре дня она дает о себе знать, напоминая, что нужно совершить великий подвиг. И так до пятнадцатого раза. Поздравляю, после этого можно смело умирать.

Пятнадцать умножить на двадцать четыре — триста шестьдесят. Даже года не прошло.

Один приступ уже случился, значит, триста шестьдесят минус двадцать четыре — триста тридцать шесть. Осталось жить всего триста с небольшим дней. Е Юй не сдержался и снова закашлялся кровью, а затем молча зачерпнул ладонями воды из ручья, чтобы прополоскать рот и умыться. Каждый раз после приступа его рвало кровью по полдня, и с каждым разом боль становилась всё невыносимее, пока в конце концов человек не умирал в муках... И правда, наставник, за что ты так ненавидел своего ученика?

Знать дату своей смерти — сомнительное удовольствие. Е Юй изможденным вернулся в бамбуковую хижину и вытащил меч. Клинок ярко вспыхнул, на лезвии виднелся причудливый зеленый узор, напоминающий побег бамбука. Этот меч, Цинчжу, считался семейной реликвией школы... Секта и правда была донельзя нищей.

Е Юй бросил меч в корзину и, растрепанный, сел под навесом. Небо из ясного превратилось в пасмурное, и вскоре начался мелкий, бесконечный дождь. Шум бамбука, ветра и капель сплелись в прекрасную картину бамбукового моря Дунсяньпай. Всё вокруг, куда ни глянь, было пропитано зеленым цветом, даже дождь не мог избежать этой участи. Е Юй легко видел, как каждая капля влаги, спускающаяся с облаков, поглощается бамбуковыми листьями.

Дождь разбивался на капли, листья бамбука были остры, как мечи. В тот миг, когда кончик листа рассек каплю воды, Е Юй вдруг почувствовал, что теряет контроль над собой. Это было состояние, граничащее с мистикой: все звуки исчезли, мир сузился до одного-единственного листа, запечатлевшегося в его сознании. Он встал и застыл, глядя перед собой.

Чей-то голос прогремел в ушах: — Взлети на ветру, кружись в потоке, бесконечные изменения, вечный круговорот.

Он вздрогнул, одним прыжком выхватил Цинчжу из корзины и, перемахнув через перила, обнажил клинок. В этот момент Е Юй ни о чем не думал, его разум был подавлен, тело стало невероятно сильным. Отпечаток меча и дыхание бамбука кричали в каждой клетке его организма. Он шагнул в пустоту, устремившись в море бамбука. Его белые одежды, которые он успел запачкать за один день, развевались позади, словно крылья птицы.

Едва коснувшись носками листьев, он использовал силу десятков метров бамбука и снова взмыл в воздух. Странное, плавное тепло хлынуло из точки юнцюань. Умеют ли люди летать? Е Юй вдруг усомнился, ведь сейчас он чувствовал, что действительно летит. Движения, словно повторенные тысячи раз, стали пугающим инстинктом. Он кружился, танцуя с мечом, ступая по пустым листьям, превращаясь в часть этого бамбукового моря — острота листьев, гибкость стеблей, изменчивость ветвей. Он следовал за ветром, а ци внутри него сама собой циркулировала по кругу.

Первая форма меча Дунсяньпай: По ветру. Встречая силу — сгибайся, будь гибким, но не ломайся. У человеческих сил есть предел, у сил небесных — нет.

Техника меча лилась вслед за его движениями. Каждое движение было изящным и легким. Семь форм меча перетекали одна в другую бесконечным потоком, и финал последней идеально смыкался с началом первой.

Дождь постепенно усиливался. Е Юй внезапно очнулся, убрал меч за спину, и чистый, звонкий свист прорезал воздух, сорвавшись с лезвия Цинчжу. Он резко устремился вниз с верхушек бамбука, направил ци, легко ступил на ветку и вмиг был поглощен бескрайним зеленым морем, исчезнув без следа.

<http://bllate.org/book/22510/2377027>